

Перестройка и «слепые пятна» позднесоветской рациональности

ДМИТРИЙ
ГОРИН

Перестройка – исторически короткий период, связанный с масштабными изменениями, причем не только социальными, экономическими и политическими, но прежде всего – ментальными. Имея в виду событийную насыщенность перестроечных времен, сложно не поддасться соблазну поиска причинно-следственных связей между перестройкой и распадом советского государства. Однако те тенденции, которые стали очевидными в конце 1980-х, разворачивались на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Фактически, перестройка сама стала ответом на историческую эволюцию советского общества и представлений о нем. Это замечание относится и к особенностям доминировавшей в то время системы мышления.

Советская модернность создавала особый тип рациональности, возникавший в условиях ускоренной урбанизации советского общества – идеологизированного, атеистического, атомизированного. Рациональность, согласно веберовскому пониманию, формируется в процессе отделения индивида от общины, семьи, церкви и его подчинения правовой, политической и экономической регуляции в государстве, образовании и на производстве. Сложность форсированного вовлечения в модернизацию

Дмитрий Геннадьевич Горин (р. 1970) – философ, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

**ПРОЦЕСС
НЕ ПОШЕЛ:
К 40-ЛЕТИЮ
ПЕРЕСТРОЙКИ**

003

многообразных и с трудом совместимых культурных пространств и контекстов советского общества компенсировалась за счет жесткой централизации власти, основывавшейся прежде всего на унификации идейно-политической сферы, а не универсализации правовых норм.

«Слепые пятна»¹ позднесоветской рациональности стали следствием когнитивных искажений, вызванных предвзятой ориентацией на устойчивые для советского общества ментальные модели, сложившиеся под влиянием коммунистической идеологии. Несмотря на то, что сфера идеологии еще до начала перестройки претерпевала существенную эволюцию и явно утрачивала свою монолитность и убедительность, характерные для нее когнитивные паттерны сохраняли свою силу не только в позднесоветском, но и в постсоветском социуме, пусть и не в столь явном виде. Неслучайно, например, рыночное общество, возникавшее в России в постперестроечную эпоху, до мелочей воспроизводилось в логике той части программы КПСС, где перечислялись пороки капитализма. Столь же неслучайным было и возвращение к советским «песням о главном» уже во второй половине 1990-х.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ОТ ПАРАДОКСА К ТАВТОЛОГИИ

«Сон разума рождает чудовищ. Но и пробуждающийся разум рискует тем же, если летаргия была столь же продолжительной, как у нас», – писал один из инициаторов перестройки Эдуард Шеварднадзе, имея в виду то, что «сверхжесткий механизм системы» устойчиво воспроизводил определенный тип мышления, а выбор средств, инструментов и темпов перестройки «лимитировался дефицитом должных представлений»². Тип мышления, который в годы перестройки вызвал «дефицит должных представлений», был сформирован под влиянием коммунистической идеологии. Однако основанная на идеологии когнитивная модель советской действительности была связана не столько с идеалами классиков научного коммунизма, сколько с весьма специфическими условиями, в которых начиналась советская модернизация.

- 1** Термин «слепое пятно» широко используется в психологии для описания искажений, основанных на предвзятости по отношению к себе в сопоставлении с другими, – по аналогии с тем, как в офтальмологии говорят о физиологическом слепом пятне (см.: PRONIN E., LIN D.Y., ROSS L. *The Bias Blind Spot: Perceptions of Bias in Self Versus Others* // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. № 3. P. 369–381). При этом он приложим не только к индивидуальным, но и к социальным когнитивным искажениям, если последние связаны с предвзятостью, сформировавшейся под влиянием социально устойчивой системы убеждений.
- 2** ШЕВАРДАДЗЕ Э. А. *Мой выбор. В защиту демократии и свободы*. М.: Новости, 1991. С. 314.

Значительная и быстро растущая часть советского общества в тот период состояла из бывших крестьян, ставших горожанами в первом поколении. Ускоренная индустриализация сопровождалась колоссальными темпами урбанизации: в 1930-х всего за восемь лет численность городского населения удвоилась, а за следующие тридцать лет удвоилась еще раз. Именно в тот период тезис о построении в СССР «основ социализма» был закреплен конституционно. При этом, однако, он отражал существенный ментальный разворот, предопределивший как силу соответствующей идеологической конструкции, так и ее последующий упадок. Во-первых, он противоречил марксистско-ленинской идее о том, что переход к социализму происходит в обществе с развитой капиталистической экономикой, в которой гегемоном является пролетариат, уже сложившийся как класс и осознавший свой классовый интерес. Во-вторых, описание реального советского общества, находившегося в сложном динамичном состоянии, подверглось мифологизации в духе складывавшейся новой идеологической рациональности, господство которой устанавливается и в общественных науках.

Сформировавшаяся в результате этого поворота идеологическая рациональность опиралась на когнитивную модель, характерную именно для поколения бывших крестьян, переселившихся в города. Освобожденный от общины, семьи, церкви и оказавшийся в городе бывший сельский труженик был дезориентирован и искал замену привычным общинным и семейным отношениям в авторитарной и патерналистской власти, вникавшей в детали повседневной жизни советских граждан и гарантировавшей социальное равенство³. Распад этих представлений в следующих поколениях городских жителей способствовал девальвации господствовавшей идеологической матрицы уже к 1970-м.

За несколько послевоенных десятилетий идеологическая рациональность претерпела существенные изменения, которые, если следовать терминологии Никласа Лумана, можно характеризовать как переход от парадокса к тавтологии. Общество эпохи модерности Луман описывал как функционально дифференцированную систему, в которой ни одна из частей не способна репрезентировать целостность, а целостные самоописания общества выступают исключительно продуктами функционирования этой системы. Если на определенной стадии модерности такие самоописания обретают форму идеологии, то фокус смещается от действительности к идеалу. В этом смысле любая идеология, оперируя в обществе, действует против него – как будто бы она пришла извне. Тавтология и

ДМИТРИЙ ГОРИН

ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

3 См.: АХИЕЗЕР А. и др. *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство, 2005. С. 499.

парадокс являются двумя вариантами конструирования таких идеологических самоописаний социума в концепции Лумана⁴. В логике тавтологии идеал уже воплощен и общество представляется как то, что оно есть изначально. Парадокс, напротив, основывается на отождествлении общества с идеалом, реализации которого препятствуют некие силы: общество в подобном случае есть то, чем оно в данный момент не является. Если тавтология ведет к укреплению консервативных тенденций, то парадокс, напротив, провоцирует преобразования.

Советская идеологическая рациональность в период, предшествовавший перестройке, разворачивалась от парадоксального постулирования коммунистического идеала как модели, под которую следовало подгонять описания советской действительности, к тавтологической идее «реального социализма», представлявшегося одновременно и идеальным, и воплотившимся. Принятую при Никите Хрущеве программу КПСС, провозглашавшую достижение коммунистического идеала, брежневское руководство заменить так и не решилось, несмотря на то, что обещанные сроки ее реализации прошли. Отказаться от коммунистического целеполагания партия не могла, но и перевести его на язык конкретных планов и сроков в условиях нисходящей экономической динамики было невозможно.

Сомнения в том, что отсылающий к учению основоположников коммунистический идеал может быть использован для понимания актуального общества, в 1983 году высказал генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов в статье, приуроченной к столетию со дня смерти Карла Маркса. «Конкретные исторические пути становления социализма пролегли не во всем так, как представляли основоположники нашей революционной теории», – писал он⁵. Однако смещение акцентов от недостижимого коммунистического идеала к концепту «реального социализма» свидетельствовало о явном кризисе идеологического мышления. Как сказал в 1986 году на XXVII съезде КПСС Михаил Горбачев, такой идеологический поворот был реакцией на «облегченные представления о путях и сроках решения задач коммунистического строительства» и служил «своеобразным оправданием медлительности в решении назревших задач»⁶.

В позднесоветском обществе «слепые пятна» идеологической рациональности не позволяли схватить сложность его устройства, его многообразные и часто противоречивые принципы регуляции, в том числе этнонациональные, клановые и

4 См.: Луман Н. *Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества*. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216.

5 Андропов Ю. В. *Избранные речи и статьи*. М.: Политиздат, 1984. С. 234.

6 *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. М.: Политиздат, 1986. С. 93.

теневые, заметно укрепившиеся в брежневский период. Если официальный дискурс определялся идеологией, постулировавшей коммунистический идеал как однородное и прозрачное для универсальных принципов регуляции общество, то реальные отношения, не укладывавшиеся в идеологическую модель, вытеснялись из сферы публичного обсуждения. Не случайно массовое сознание приписывало Юрию Андропову фразу о том, что «мы не знаем того общества, в котором живем». Справедливости ради следует сказать, что таких слов в цитируемой выше статье генсека не было, хотя задача переформатирования общественнознания была сформулирована им достаточно четко. Еще более определенно об идеологизации общественных наук высказался в политическом докладе XXVII съезду КПСС Горбачев: схоластика, начетничество и догматизм, по его словам, «ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни»⁷.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Освобожденный от общины, семьи, церкви и оказавшийся в городе бывший сельский труженик был дезориентирован и искал замену привычным общинным и семейным отношениям в авторитарной и патерналистской власти, вникавшей в детали повседневной жизни советских граждан и гарантировавшей социальное равенство.

В годы перестройки идеологическая сфера приходит в движение. Идеологический монолит рассыпается на множество тенденций, представленных разными версиями коммунистической идеи, а также антикоммунизмом, либерализмом, консерватизмом, интернационализмом, национализмом, «почвенничеством». Эти и другие довольно разнородные ориентации порождали часто неожиданные тактические симбиозы, которые не способствовали, однако, устойчивому синтезу, но, наоборот, провоцировали все новые расколы.

Несмотря на характерный для перестройки идеологический плюрализм, многим из перечисленных идейных тенденций в той или иной степени были присущи черты сформировавшейся в СССР идеологической рациональности. Прежде всего это касается характерной когнитивной предубежденности, связанной с вытеснением тех аспектов действительности, которые не укладываются в идеологическую модель, – причем

7 Там же. С. 85.

неважно, о какой части политического спектра идет речь и основываются ли эти идейные ориентации на парадоксе или тавтологии. Возможно, поэтому выход из перестройки был основан не на консенсусе, о котором часто говорил Горбачев, а на противостоянии.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И «СЛЕПЫЕ ПЯТНА» КРИТИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

Культурный разрыв, связанный с перестройкой, потребовал обновления тех оснований, на которых происходит рационализация социальной действительности. Раз и навсегда сформулированные идеологические догматы больше не работали. Поэтому нужно было не просто переформатировать мышление об обществе, но найти новое основание такого мышления.

По замыслу Горбачева, основание мышления об обществе следует искать в самом обществе. Демократический процесс воспринимался им как единственный надежный способ устранения ошибок управления. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», опубликованной в 1988 году, он писал: «Ошибочные позиции, с которыми мы сталкиваемся и будем сталкиваться в ходе обновления общества, и даже прямое сопротивление мы будем преодолевать в рамках демократического процесса»⁸. Демократизация, таким образом, решала не только политическую проблему расширения общественной поддержки и преодоления сопротивления перестройке, но и эпистемологическую проблему: она была необходима для репрезентации новой модели социума.

Но если идеологическая рациональность разворачивается дедуктивно от идеальных форм к действительности, то демократическая рациональность в эпоху перестройки следовала индуктивной логике, основанной на локальных представлениях, которые в некоторых случаях интегрировались горизонтально, но не поднимались до макроуровня и не воспроизводили целостной картины.

Причины следует искать не только в ограниченности любой логической системы, но и во многовековой российской политической традиции. Государствообразующей силой в России традиционно выступала патерналистская власть, опиравшаяся исключительно на саму себя и транслировавшая легитимные идеальные представления о действительности, а вечевая традиция локальной демократии если и интегрировалась в систему государственной власти, то в разобращенном и ослабленном

8 Горбачев М.С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М.: Политиздат, 1988. С. 71.

виде. В то время как идеологическая рационально-дедуктивная логика все более расходилась с реальной действительностью, демократическая рациональность перестройки с ее индуктивным прагматизмом фрагментировалась во множестве противоречивых локальных и групповых представлений и интересов. Выборы директоров предприятий, перетекание власти на всех уровнях от партийных структур и исполкомов к советам народных депутатов, многочисленные локальные дискуссионные площадки, поддержка этнических меньшинств и сепаратистских тенденций – все это и многое другое вело к потере целостной картины и утрате управляемости.

Когда Горбачев сделал ставку на вечевую политическую форму, которую на высшем уровне власти в тот период воплощал Съезд народных депутатов, основы государственности начали размываться, а демократизация привела к центробежности. Президентская структура власти, сформированная не всеобщими выборами, а Съездом, отстраивалась медленнее, чем разрушалась партийная вертикаль, которая, согласно территориально-производственному принципу своей организации, контролировала каждый трудовой коллектив, интегрируя первичные парторганизации в централизованную систему управления. В формирующиеся институты представительной демократии, как признавал позже Шеварднадзе, надо было встраивать «узлы» государственного механизма, но делалось это избирательно, а значительная часть депутатов «получила мандаты, минуя прямые выборы»⁹.

Сопrotивляясь косности системы, Горбачев вынужден был опираться на общественное мнение. Но это изменчивое и ненадежное основание. В изданном в 1991 году сборнике с символическим названием «Освобождение духа», посвященном перестройке сознания, Вадим Межуев вполне справедливо указывал на огромную дистанцию между связанным с частной жизнью мнением «толпы или любой стихийно возникшей группы» и сознанием, которое действительно отражает «общий ход вещей»¹⁰.

Гипотезу о связи идеологии коммунизма и ее кризиса с формированием образованного слоя выдвинул Эмманюэль Тодд, предсказавший в 1976 году распад советской системы, хотя и по другим причинам. Он полагает, что советский коммунизм стал продуктом первой стадии массовой грамотности: с преодолением доли грамотного населения в 50% в различных странах наблюдается распространение первичных идеологий, характер

ДМИТРИЙ ГОРИН

ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

9 ШЕВАРДНАДЗЕ Э.А. Указ. соч. С. 318.

10 Любомирова Н.В., Межуев В.М., Михайлов Ф.Т., Толстых В.И. *Перестройка сознания или сознательная перестройка? // Освобождение духа* / Под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1991. С. 16.

которых задается особенностями страны. В англо-американском мире XVII–XVIII веков преодоление этого порога привело к утверждению либерализма, во Франции XVIII века – эгалитарного либерализма, в Германии XIX–XX веков – социал-демократии и затем нацизма, в России XX века – коммунизма. Обратный процесс рассеивания этих первичных идеологий наблюдается в различных странах в тот момент, когда доступ к высшему образованию получают 20–25% в каждом поколении. В результате возникает новое расслоение общества, а отношение к письменному тексту и идеологии становится более критичным¹¹. В США этот порог был достигнут в 1965 году, когда произошел заметный интеллектуальный спад на всех уровнях: «Прогресс образованности в итоге привел к регрессу в образовании, потому что вызвал исчезновение ценностей, благоприятствовавших получению образования»¹². Россия достигла соответствующего порога между 1985-м и 1990 годами, что дало возможность Тодду говорить как минимум о «совпадении между появлением среднего класса, получившего высшее образование, и распадом коммунизма»¹³.

Набиравшее силу массовое демократическое движение определялось сформировавшимся в СССР образованным слоем. Верхушка творческой интеллигенции как наиболее активная в тот период часть этого слоя публично поддержала перестройку на V съезде Союза кинематографистов СССР весной 1987 года. Позиция научной интеллигенции, писателей и публицистов, сочувствовавших перестройке, была заявлена в одной из самых значимых книг той эпохи – сборнике статей «Иного не дано» (1988)¹⁴. Однако близость Горбачева к хорошо знакомому ему слою столичной интеллигенции не привела к надежному союзу между ними. «При переходе от философии к практической политике возникает необходимость коррекции движения. Она диктуется жизнью и участвующими в политике. Но это нередко порождает разочарование у многих. В этих случаях интеллигенция думает, что ее отстранили или предали», – вспоминал Горбачев о «сдвиге вправо», происходившем в начале зимы 1990 года¹⁵. В свою очередь верхушка столичной интеллигенции постепенно перешла на проельцинские позиции, присоединяясь к будущему победителю.

«Слепые пятна» демократической рациональности определяются утратой целостных представлений об обществе и несформированностью нормативных точек опоры социальной

11 Тодд Э. *Поражение Запада*. Севастополь: Таврия, 2024. С. 48–49.

12 Там же. С. 233.

13 Там же. С. 49.

14 *Иного не дано* / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.

15 Горбачев М.С. *Декабрь-91. Моя позиция*. М.: Новости, 1992. С. 147.

критики, которая состоит не в утверждении вкусовых различий, а в способности увидеть за происходящими переменами связь между транслирующимся знанием и интересами различных социальных групп – прежде всего тех, которые сделались теневыми бенефициарами обмена власти на собственность. Основоположники Франкфуртской школы видели в интеллектуалах новую социальную силу, способную стать проводником критической рациональности благодаря своей автономности и способности дистанцироваться от собственных интересов. И хотя критическая рациональность в позднем СССР начинала обретать институциональные основы в науке, публицистике, искусстве, слой интеллектуалов, как позже оказалось, не обладал достаточной автономией. Это привело к последствиям, аналогичным тем, о которых пишут Люк Болтански и Эв Кьяпелло применительно к художественной критике на Западе¹⁶. Ее успешность обернулась легкостью, с которой она была использована капитализмом. В советском случае подобная легкость сопровождала сначала охлаждение отношений между Горбачевым и творческой интеллигенцией, а затем ее переход на антигорбачевские позиции, что открывало для нее возможность обменять требования автономии и свободы на покровительство новой российской власти и преференции в рыночном обществе.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

ВТОРЖЕНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО И КРИЗИС САМООПИСАНИЯ ОБЩЕСТВА

В свое время Бертран Рассел, указывая на холизм советской идеологической догматики, которая содержала ответы на любые вопросы и исключала мировоззренческие лакуны, сделал вывод, что она сближается не с наукой, а с религией, догмы которой отстоят от очевидности или даже противоречат ей¹⁷. Возможно, поэтому освобождение от коммунистической идеологии вело массовое сознание не к «расколдовыванию мира» и мышлению, основанному на опыте и аргументации, а к новому «заколдовыванию мира», вновь становившегося непрозрачным.

Перестроечный феномен медиапроизводства чуда, апофеозом которого стали теле- и радиозфиры Анатолия Кашпировского и Аллана Чумака, а в публичной политике – резкий рост интереса к популистским лидерам, от Бориса Ельцина до Владимира Жириновского, сочетался с институционализацией и нормализацией разного рода паранаучного и псевдонаучного

16 Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 554–556.

17 РАССЕЛ Б. *Практика и теория большевизма*. М.: Наука, 1991. С. 65.

знания, квазирелигиозных мистических представлений, шарлатанства, конспирологии. Ментальный кризис проявился не только в распаде идеологической рациональности и поисках новых, альтернативных ей, оснований мышления об обществе, но и в явных прорывах иррационального. Своего рода диагноз иррационализации мышления позднесоветского человека пытались поставить авторы изданного в 1990 году сборника «Заблуждающийся разум»¹⁸. Это был значимый поворот, поскольку в советском обществе вопросы иррационального вытеснялись из сферы научного дискурса и публичного обсуждения.

Между тем попытка обосновать перестройку с позиций научной рациональности после XXVII съезда КПСС привела к заметному росту внимания к общественным наукам – прежде всего к истории и социологии. В июне 1988 года Политбюро принимает постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». В нем говорится о недопустимом отставании изучения общественного мнения и о неотработанности механизмов «учета и использования общественного мнения в процессе подготовки и принятия управленческих решений»¹⁹.

Однако, несмотря на публичную активность научного сообщества и участие его представителей в деятельности органов власти и управления, возможности научной рационализации перестройки имели свои границы. С одной стороны, в условиях активизации политического процесса сфера управления продолжала оставаться реактивной, а научная аргументация не всегда была решающей в публичной политике и принятии решений. С другой стороны, массовое сознание столкнулось с утратой «единственно верной» картины мира и конкуренцией различных дискурсов, среди которых научный дискурс не всегда занимал ведущее положение. О распространении «абстрактных метафизических представлений», которые «не выдерживают соприкосновения с действительностью», говорилось, например, в записке «О результатах проверки работы Академии общественных наук при ЦК КПСС», рассмотренной секретариатом ЦК 7 марта 1989 года²⁰. Наконец, распад идеологизированных представлений о советской истории под влиянием потока публикаций о «белых пятнах» и «темных страницах» прошлого привел к фрагментарности интерпретаций

18 *Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания* / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Политиздат, 1990.

19 *О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 7 июня 1988 г.* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 15.

20 *О результатах проверки работы Академии общественных наук при ЦК КПСС. Постановление Секретариата ЦК КПСС. 7 марта 1989 г.* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 10–14.

истории и даже к временной отмене выпускных экзаменов по этой дисциплине в советских школах. Рекордные тиражи газет и журналов свидетельствовали о резком росте общественного интереса к перестроечной публицистике, ранее запрещенным текстам, дискуссиям между «западниками» и «почвенниками», сенсационным разоблачениям и альтернативным представлениям, в том числе иррациональным.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Освобождение от коммунистической идеологии вело массовое сознание не к «расколдовыванию мира» и мышлению, основанному на опыте и аргументации, а к новому «заколдовыванию мира», вновь становившегося непрозрачным.

Критика идеологической рациональности велась со стороны не только приверженцев модернизации, но и традиционалистски ориентированных слоев. Одним из примеров служит тенденция, восходящая к деревенской прозе, набравшей популярность на протяжении последних десятилетий существования СССР. В более широком понимании она продолжала реализовывать себя в неоязычестве и прочих традиционалистских квазирелигиозных ориентациях. Советская цензура достаточно лояльно относилась к «почвеннической» альтернативе коммунистическому интернационализму, что способствовало утверждению в позднесоветском и постсоветском обществе той версии патриотизма, которая связана с домодерным пониманием культуры.

Была ли связь между завершением эпохи «реального социализма» и всплеском интереса к иррациональному, к многообразным агентам рынка альтернативного знания и иррациональных услуг случайной или исторически обусловленной? Этот вопрос остается дискуссионным²¹. Но кризис рациональности проекта модерности наблюдался не только в его коммунистическом варианте. В США и странах Западной Европы в последние десятилетия XX века также фиксировался рост интереса к иррациональным моделям объяснения действительности. В некоторой степени это можно объяснить характерной для высокой модерности попыткой рационализации растущих рисков, компенсацией распада прогрессистского мышления, характерного для стадияльно более ранних состояний современных обществ, разочарованием в достижениях науки, которые все чаще воспринимались в логике апокалипсиса, а не спасения.

21 Романов П., Ярская-Смирнова Е. *Социальное как иррациональное? (Диагнозы 1990 года)* // Новое литературное обозрение. 2007. № 1(83). С. 205–226.

Постмодернистская философия с характерной для нее установкой на шизоанализ актуального общества и его деконструкцию охватила умы западных интеллектуалов в 1970–1980-е. Автор идеи деконструкции Жак Деррида в своем московском интервью в феврале 1990 года говорил, что перестройка, по его мнению, и есть деконструкция: «Деконструкция делает свое дело, хотите вы того или нет; она на полном ходу: то, что происходит сейчас в Советском Союзе, есть своего рода деконструкция»²². В том же интервью он обратил внимание на то, что деконструкция есть не просто разоблачение гетерогенного множества противоречий – она «совершается главным образом не на уровне логики»²³ и требует «деконструкции логоцентризма, потому что все и вся в этой общей архитектуре зависит от логоцентризма»²⁴.

Перестройка в этом смысле была ответом не только на кризис коммунистической версии модерности, но и на более универсальные вызовы, связанные с переходом к высокой модерности с характерной для нее глобализацией, переориентацией с производства на потребление, «текучестью» институтов и утратой предсказуемости общественного развития. Однако советский вариант этого перехода оказался менее подготовленным и более драматичным. Юрий Лотман, получивший в годы перестройки возможность донести свои идеи до массового зрителя в цикле популярных телепередач, писал в книге «Культура и взрыв»²⁵, что русская культура по причине слабости срединных ориентаций и тяготения к крайним полюсам в условиях взрывного развития утрачивает способность к воспроизводству целостного самоописания.

Позиция политического централизма, которая более или менее последовательно проводилась Горбачевым, быстро утратила свое влияние, уступив более простым популистским представлениям. Демократизация и гласность активизировали общественное мнение и массовый интерес к политике, но не сделали процесс социальных преобразований прозрачным для рациональной рефлексии. А нарастающий кризис, как это часто бывает, провоцировал иррационализацию общественных настроений. Если воспользоваться метафорой Василия Ключевского о том, что российская история похожа на театральное действие, периодически прерывающееся антрактами, то можно сказать, что свет на исторической сцене в очередной раз погас, а когда спустя непродолжительное время после завершения гор-

22 Рыклин М. *Деконструкция и деструкция. Беседа с Жаком Деррида // Он же. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами.* М.: Логос, 2002. С. 27.

23 Там же. С. 26.

24 Там же. С. 30.

25 См.: Лотман Ю.М. *Культура и взрыв.* М.: Гнозис, 1992.

бачевской перестройки занавес вновь поднялся, общество неожиданно для себя увидело совсем другие декорации. «Слепым пятном» оказался сам процесс транзита, включая теневое перераспределение власти и собственности.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

* * *

Разумеется, в политике перестройки можно увидеть стечение случайных факторов или политических просчетов, которых, казалось бы, можно было избежать. Но «слепые пятна» позднесоветской рациональности задавались более длительными фундаментальными процессами, в которых сужение восприятия предопределялось характером и динамикой советской модернизации.

По мере распада коммунистического идеологического проекта характерная для советского типа модернизации рациональность оказалась под влиянием двух тенденций. Во-первых, демократической рациональности – как особого феномена перестройки, запустившего общественную активность в артикуляции низовых интересов. И, во-вторых, иррационального медиапроизводства чуда, включая политический популизм. Первая тенденция способствовала ослаблению легитимности власти союзного центра, которая и выступила инициатором перестройки, а вторая, в условиях дезориентации, вызванной распадом идеологической картины мира, поддерживала иллюзию возможности почти моментальных изменений и быстрого избавления от существующих пороков. Обе тенденции, в конечном счете, не позволили обществу обрести политическую субъектность в постперестроечных преобразованиях.

